

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. А. Формозов

ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МАСШТАБ ИЛИ АНАЛИЗ КОНКРЕТНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Моя статья «О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы в Прибайкалье и на Енисее»¹ вызвала ряд откликов. Очевидно, необходимость обсуждения поднятых в ней вопросов давно назрела, и то, что я исходил из сибирских материалов, которыми никогда специально не занимался, не настолько ослабило мои позиции, чтобы можно было их просто игнорировать. Почему же была написана эта статья и почему она была помещена именно в журнале «Советская этнография», а, скажем, не в «Советской археологии»?

За последние годы у советских ученых резко возрос интерес к памятникам первобытного искусства в нашей стране и к проблеме первобытного искусства в целом. Успешно исследуют еще недавно никому не известные наскальные изображения Кавказа И. М. Джафарзаде, А. А. Мартиросян, В. И. Марковин, Д. Н. Рустамов. Ю. А. Савватеев открыл новую замечательную группу петроглифов у Беломорска, а К. Д. Лаушкин предложил интересную расшифровку наскальных рисунков Онежского озера. Вышел из печати первый и подготовлен к изданию второй том «Писаниц Урала» В. Н. Чернецова. Изучением росписей на скалах Урала занят и О. Н. Бадер, выявивший палеолитические рисунки в Каповой пещере.

Глиняную пластику трипольской культуры исследуют С. Н. Бибииков, А. П. Кусургашева, Т. Г. Мовша, Б. А. Рыбаков, а пластику культуры Анау — В. М. Массон и В. И. Сарияниди. Писаницы Сибири привлекли внимание А. Д. Грача, М. А. Дэвлет, Н. В. Леонтьева, А. Н. Липского, А. И. Мартынова, А. П. Окладникова, Д. Г. Савинова, П. П. Хороших, Я. А. Шера, а каменные изваяния Минусинской котловины — Э. Б. Вадецкой, М. П. Грязнова и А. Н. Липского. Петроглифы Средней Азии изучают А. Г. Медоев, Г. В. Парфенов, В. А. Ранов. Рисунками на камне и антропоморфными стелами Северного Причерноморья интересуются В. Н. Гладилин, Т. Д. Златковская, А. А. Щепинский. Общим проблемам первобытного искусства, в особенности искусства эпохи палеолита, посвящены книги и статьи З. А. Абрамовой, А. П. Окладникова, А. Д. Столяра, А. А. Формозова. Чрезвычайно ценны наблюдения над памятниками изобразительного искусства этнографа С. В. Иванова, антрополога Я. Я. Рогинского.

Как ни значителен вклад советской науки 20—50-х годов в изучение первобытного искусства (П. П. Ефименко, С. Н. Замятин, А. М. Линевский, В. И. Равдоникас, М. Я. Рудинский, Д. Н. Эдинг), все же размах исследований в этой области прежде и теперь не сравним. Не исключено, что для советской науки о первобытности на ближайшее десяти-

¹ «Сов. этнография», 1967, № 3, стр. 68—82.

летие одной из центральных окажется проблема искусства, как в 20—30-х годах центральными были проблемы хозяйства и социального строя, а в 40—50-х — проблемы этнической истории.

В этих условиях совершенно естественно желание предварить развертывающуюся работу обсуждением методических вопросов, критически рассмотреть опыт наших предшественников. И столь же естественно обратиться в первую очередь к книгам А. П. Окладникова, больше всего писавшего о памятниках первобытного искусства за последние 10—15 лет.

Выступая со статьей «О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы в Прибайкалье и на Енисее», я ни в коей мере не рассчитывал на то, что моя небольшая статья (15 стр.), основанная на впечатлениях одного полевого сезона, станет серьезным противовесом трем книгам А. П. Окладникова общим объемом 720 страниц, явившимся итогом многолетних исследований, так сказать, заменит эти книги. Более того, я был вполне готов к тому, что А. П. Окладников или его ближайшие ученики сумеют опровергнуть какие-то мои выводы. Ведь в руках А. П. Окладникова, В. Е. Ларичева, А. П. Деревянко сосредоточены колоссальные неопубликованные и недоступные другим исследователям материалы по археологии Сибири.

Все же я считал целесообразным выступить, ибо речь шла не столько об интерпретации отдельных писаниц, сколько о принципах подхода к этим сложнейшим историческим источникам. В этой связи представлялось уместным обратиться не только к археологической, но и к этнографической аудитории. Этнографы сталкиваются с не менее сложными памятниками духовной жизни охотничьих, рыболовческих, скотоводческих племен и народов, но могут истолковывать эти памятники полнее и надежнее, пользуясь расспросами у аборигенов.

Поэтому я рад, что на мою статью первым откликнулся этнограф — Г. И. Пелих, а равно и тому, что в ее статье говорится главным образом о методических вопросах (жаль, конечно, что не ответил сам А. П. Окладников)². Г. И. Пелих очень четко сформулировала принципы, лежащие в основе работ А. П. Окладникова, но весьма неточно изложила мои позиции. Придется более развернуто остановиться на предмете спора.

В нашей археологической литературе при всем ее разнообразии трудно выделить два типа работ. Первый строится обычно по следующему плану: сначала дается описание материала, обзор источников, максимально объективный, рассчитанный на то, что этим обзором сможет воспользоваться и исследователь, стоящий на диаметрально противоположных позициях. Далее следует детальный критический разбор источников и классификация материала. Первостепенные источники отделяются от второстепенных, доброкачественные от недоброкачественных, намечаются какие-то опорные точки (памятники с четкой стратиграфией, бесспорные комплексы и т. д.). Все это излагается так, чтобы читатель мог проверить и каждое частное сопоставление, и методические основы всей работы в целом. И, наконец, — выводы, где автор стремится разрешить отнобу не все вопросы, а только те, на которые можно ответить, опираясь на имеющиеся факты. Формулируется, что следует считать доказанным, что мы вправе лишь предполагать и о чем мы пока ничего сказать не можем³.

Второй тип работ строится иначе. Описания материала и методики его исследования тут мы не находим вовсе или то и другое излагается по ходу дела, кратко, выборочно, разбросанно. Просто ведется рассказ:

² Г. И. Пелих, О методе научной классификации сибирских петроглифов, «Сов. этнография», 1968, № 3, стр. 68—76.

³ Образцом такой работы в области первобытного искусства может служить статья С. Н. Замятнина «Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы», «Сов. археология», X, 1948, стр. 85—123.

к палеолиту относятся такие-то памятники, к мезолиту такие-то, к неолиту такие-то. Сначала население пришло с запада, потом — с юго-востока. Сперва были распространены жилища или орудия такого-то облика, потом такого-то и т. д. Подобный характер изложения, свойственный работам, носящим, как правило, громкое название «Древняя история... (республики, района, бассейна реки)» не вызывает возражений, если до выхода в свет этой монографии публиковались использованные в ней материалы и специальные исследования с историко-этнографическими задачами. К сожалению, так бывает далеко не всегда. В последние годы стало обычным издание «древних историй» до публикации и критического исследования источников, причем в ряде случаев можно не сомневаться, что необходимых публикаций мы не увидим и в дальнейшем. Читателю приходится принимать на веру все, что говорит автор, или по крупицам вылавливать сведения об источниках из разных синтетических и «генерализованных» работ.

Когда такие книги написаны со стилистическим блеском и широтой эрудиции, столь свойственными А. П. Окладникову, они производят большое впечатление. Но постепенно у археолога, вчитывающегося в книги, написанные в повествовательной манере, возникает ощущение какой-то зыбкости. Вот назван некий памятник, типичный для определенной эпохи. Публикации его нет, коллекции хранятся за тысячи километров от Москвы. Что это: комплекс из раскопок поселения с четкой стратиграфией или материал, собранный на поверхности развееванной дюнной стоянки, выделенный самим исследователем из кучи разновременных вещей? Ответа в тексте вы не найдете. Вот мы читаем, что стоянки типа А предшествовали типу Б, — основано ли это на каких-то стратиграфических наблюдениях или это лишь предположение автора? И так почти каждый тезис вызывает вопрос, остающийся без ответа. Читатель не получает представления об историко-этнографической базе исторического исследования, а допытываться о ней у автора считается почему-то неприличным.

Археологические сочинения повествовательного стиля неизмеримо эффектнее аналитических работ с подробной историко-этнографической частью. Здесь нет «нудного копания в мелочах», все просто и ясно, нет ни белых пятен, ни лакун, ни сомнений. К тому же так легко подобрать привычные эпитеты: для одного типа книг «историчность», «высокий уровень научного обобщения», для другого — «бескрылый эмпиризм», «буржуазный формализм». Но думается, что при всех достоинствах сочинений повествовательного стиля именно аналитические работы ближе к идеалам историка, сформулированным еще Н. Фюстель де Куланжем: «История не искусство, а подлинная наука. Заключается она не в занимательном повествовании и не в глубоком философствовании. Как всякая наука, история заклучается в изложении фактов, их анализе, их сопоставлении и выявлении связи между ними. Искусство историка должно заклучаться в умении извлечь из документов все то, что в них содержится, не прибавляя того, чего в них нет»⁴.

Бывает и иначе. Конечно, авторы синтетических трудов публикуют какие-то материалы, лежащие в основе их выводов. Но тут обнаруживается то, что, к возмущению Г. И. Пелих, я осмелился назвать «скудостью аргументации». Это как раз и произошло с публикацией «Ленские писаницы» А. П. Окладникова и В. Д. Запорожской и с выводами, которые должны были бы вытекать, но не вытекают из этой публикации в обобщающей книге А. П. Окладникова «Якутия до присоединения к Русскому государству» и в других его сводках. Оказалось, что прославленные сибирские писаницы документированы гораздо хуже, чем

⁴ N. Fustel de Coulanges, Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. La monarchie franque, Paris, 1888, pp. 32, 33.

карельские, кавказские, уральские. Здесь, в Сибири, нет культурных слоев, перекрывающих рисунки, нет налегающих друг на друга разно-стильных изображений, т. е. нет спорных точек для классификации. Тем не менее классификация создана. Опирается она, по мнению А. А. Формозова, «на интуицию и догадки», по мнению Г. И. Пелих, — на «сравнительно-исторический анализ».

Что это значит? А вот что: данные о последовательности стилей искусства в Западной Европе (Франции и Испании), Скандинавии, лесной зоне Европейской части СССР, в Причерноморье и на Кавказе переносятся на материалы Ангары и Лены. Допустимо ли это? В каких-то пределах, может быть, и да. Так, никто не станет датировать изображения лодок в Шишкине эпохой палеолита, ибо палеолитические рисунки лодок нет нигде, а, судя по раскопкам в Европе, до мезолита не было и самой лодки (хотя мы сейчас и не знаем, когда появились лодки на Лене). Но генерализация заходит куда дальше. В трипольской культуре на Украине (Лука Врублевецкая на Днестре) есть глиняные сидячие статуэтки женщин. В Пярну в Эстонии и Агубекове в Кабарде обнаружены миниатюрные каменные скульптуры людей с полусогнутыми в коленях ногами. На Шишкинских скалах имеется большое (длиной 1,5 м) изображение человека, стоящего на полусогнутых ногах. Отсюда вывод — это изображение того же времени, что и статуэтки из Агубекова или Луки Врублевецкой на Днестре, т. е. III тыс. до н. э.⁵ Убедительно ли это? Конечно, нет. Во-первых, речь идет об одной детали, передающей позу, свойственную людям во все времена. Во-вторых, известны сидячие статуэтки и в коллекциях палеолитического времени и в современном этнографическом материале, так что не менее близкие аналогии шишкинскому рисунку можно найти в любую эпоху.

Выводов подобного рода у А. П. Окладникова много. Во Франции и Испании в пещерах открыты палеолитические росписи. Вывод: палеолитические росписи должны быть везде. Но ведь в очень хорошо изученных пещерах ФРГ, ГДР, Польши, Чехословакии росписей нет. Нет их и в неплохо исследованных советскими археологами пещерах Крыма и Кавказа. Не вернее ли считать, что наскальная живопись была типична отнюдь не для всех палеолитических общин? В палеолитической живописи Европы почти нет изображений людей. Очень много таких изображений на мезолитических росписях Испании. Это бесспорно, но крайне спорно, что и в Сибири фигуры людей на скалах позднее фигур животных. В Кобыстане около Баку, где гравировки разного стиля и разного возраста перекрывают друг друга, самые древние рисунки — это силуэты людей, а контурные изображения диких животных — более поздние. Если в Закавказье искусство в мезолите и неолите развивалось иначе, чем во Франции и Испании в период палеолита и мезолита, то почему по западному пути должно было развиваться искусство на Лене? Палеолитические рисунки Франции значительно крупнее, чем мезолитические из Испании. Это факт, но следует ли из него, что и в Сибири, чем крупнее рисунок, тем он древнее? Ни в коей мере. В Залавруге на Белом море колоссальные, длиной 2—3 м, фигуры оленей налегли на фигурки людей длиной 15—20 см. Или пример из книги другого автора А. И. Мартынова, вышедшей под редакцией А. П. Окладникова. Книга посвящена Томской писанице. И А. П. Окладников, и А. И. Мартынов датируют ее неолитом. Основание: на скалах изображены дикие, а не домашние животные⁶. Да, конечно, сначала первобытные люди рисовали диких и только позже домашних животных. Но ведь и сейчас в горах Таджикистана пастухи выбивают на камнях силуэты диких козлов-теке, а не домашних овец. Не считать же эти гравировки неолитическими.

⁵ А. П. Окладников, Шишкинские писаницы, Иркутск, 1959, стр. 74, 75.

⁶ А. И. Мартынов, Лодки в страну предков, Кемерово, 1966, стр. 8—10.

Число примеров нетрудно умножить, но что из этого следует? «Не имеет ли автор в виду идею многолинейной эволюции в области развития искусства?» — спрашивает Г. И. Пелих⁷. Да, уважаемый оппонент, признавая общие закономерности в развитии искусства, мы не можем свести все многообразие изобразительного творчества первобытности к звеньям одной цепи.

Никогда на Лене и Ангаре не будут найдены расписные сосуды и глиняные статуэтки типа Триполья или Анау, не говоря уже о египетских сфинксах или месопотамских человеко-быках. Искусство в Средиземноморье или Передней Азии развивалось не так, как в сибирской тайге.

Сегодняшний уровень наших знаний позволяет исследовать уже не некое «первобытное искусство вообще», а искусство конкретных племен, культур и эпох. Пользоваться «творческим методом», в основе которого «лежит стремление установить общие тенденции развития искусства на скальной живописи во всемирно-историческом масштабе», теперь вряд ли стоит, каким бы уровнем научного кругозора ни обладал автор⁸. Восхваляя этот метод, Г. И. Пелих «сылается не только на А. П. Окладникова, но и на статьи М. И. Артамонова, П. И. Борисковского, А. Я. Брюсова, напечатанные в журнале «Проблемы истории докапиталистических обществ» в 1935 г. Эти статьи написаны в годы наибольшего увлечения археологов марровой идеей стадильности. Достаточно обратиться к работам тех же трех авторов, опубликованным 30 лет спустя, чтобы увидеть, как далеко отошли они от стадильности. Вместе с ними отошла от этих идей и вся наша наука.

Что же можно противопоставить «всемирно-историческому масштабу»? Анализ конкретных источников. Нужно отыскать в Сибири писаницы, перекрытые культурными слоями стоянок (то, что есть в Залавруге II и Кобыстане), писаницы, на которых рисунки одного стиля перекрыты рисунками другого (то, что есть в Залавруге I и Кобыстане), провести детальное сравнение изображений на писаницах и на могильных камнях окуневской и тагарской культуры. Такие памятники и следует называть опорными. Там, где точек опоры у нас нет, можно высказать какие-то догадки, но лучше все же держаться ближе к фактам, чем уноситься в беспредельность на крыльях фантазии. Впрочем, об этом подробно говорилось в первой моей статье. Вероятно, она многих разочаровала, ибо я датировал только отдельные рисунки, отдельные сюжеты, а не все писаницы без исключения. Работы, где содержатся ответы на все вопросы, выглядят, несомненно, выигрышной. Будущее покажет, какой подход к материалам был плодотворнее.

Таковы общетеоретические расхождения между мной и А. П. Окладниковым, равно как и его последовательницей Г. И. Пелих. Свою статью она обещала начать «с анализа приводимой А. А. Формозовым конкретной аргументации», но ничего похожего здесь мы не находим⁹. Подробному, хотя и ограниченному рамками журнальной статьи, разбору аргументов А. П. Окладникова не противопоставлен такой же разбор моих наблюдений. Из контекста статьи выхвачено лишь несколько фраз, касающихся отнюдь не главных, а дополнительных соображений, после чего выражено недоумение, годятся ли такие опорные точки. Не о них шла речь. Опорные точки — это рисунки на плитах погребальных сооружений на Енисее, относящихся ко 2 и 1 тыс. до н. э., — как раз то, о чем Г. И. Пелих не говорит ни слова.

В ряде случаев, мне, как ни странно, приходится отвечать за А. П. Окладникова. Почему написано, что лодки на скалах Лены отражают миф египетского происхождения? Потому, что так думает А. П. Окладников,

⁷ Г. И. Пелих, Указ. раб., стр. 72.

⁸ Там же, стр. 71.

⁹ Там же, стр. 69.

который в своей книге «Олень — золотые рога» одну из глав назвал «Корабль Озириса плывет к Ледовитому океану»¹⁰.

Фраза о костях домашнего быка со стоянки на Лене осуждена Г. И. Пелих за «поверхностное пренебрежение проблемами»¹¹, но ведь это точное изложение слов А. П. Окладникова из книги «Шишкинские писаницы»¹², а никаких иных находок костей домашних животных в этом районе нет.

С некоторыми соображениями Г. И. Пелих я охотно солидаризуюсь. Так, не отрицая того, что статуэтка лося из Еловки относится к карасукской эпохе, Г. И. Пелих считает это изображение пережиточным, сохранившим древние неолитические черты. Те же традиции усматривает она и в современном искусстве селькупов и шорцев. И то и другое вполне вероятно, но и то и другое не согласуется со схемой А. П. Окладникова, а подтверждает мои наблюдения. По А. П. Окладникову, все изображения лосей созданы в неолите, а искусство эпохи бронзы и раннего железа в Сибири имело совершенно другой облик. Я же несколько раз на протяжении статьи повторяю, что сходные изображения лосей в Сибири наносили на скалы и позже неолита, даже в I тыс. н. э., что неолитические традиции в искусстве сибирских народов жили очень долго.

Это еще один момент, заставивший меня передать статью о писаницах Сибири именно в журнал «Советская этнография». У археологов Кавказа, Средней Азии и Сибири стало обычным датировать все наскальные рисунки очень ранним временем, если не палеолитом, то не позже, чем неолитом. Так, С. А. Сардарян отнес все петроглифы Армении к мезолиту, хотя на них есть и изображения всадников, и силуэт оленя в характерной для скифов позе «летучего галопа»¹³.

Г. В. Парфенов готов назвать палеолитическими все петроглифы Средней Азии, усматривая изображение мамонта даже в силуэте оседланного коня¹⁴. По мнению А. П. Окладникова, на Ангаре в эпоху железа наскальные рисунки уже не создавали¹⁵. Между тем и для Кавказа¹⁶, и для Средней Азии¹⁷, и для Сибири¹⁸ есть сведения о рисунках, выбивавшихся на камне буквально на глазах ученых. Видимо, во всех этих районах традиции искусства наскальных правировок были очень устойчивы, и ряд петроглифов нужно связывать с поздним историческим временем. Следовательно, классификация писаниц не может быть построена без помощи этнографов. Их участие в этой работе должно дать очень много для истории культуры, раскрыв и смысл наскальных рисунков, и особенности эволюции большой области первобытного искусства.

Г. И. Пелих упрекает меня в том, что я путаю определения абсолютной хронологии с оценками уровня развития культуры со стадийной точки зрения. Это было бы справедливо, если бы речь шла о Чукотке или Камчатке, где культура неолитического облика существовала еще в нашей эре. Между тем статья посвящена Среднему Енисею и Прибайкалью — районам, вступившим в бронзовый век по крайней мере во II тыс. до н. э. Неолитические традиции в искусстве жили здесь долго.

¹⁰ А. П. Окладников, Олень — золотые рога, Л.— М., 1964, стр. 76.

¹¹ Г. И. Пелих, Указ. раб., стр. 74.

¹² А. П. Окладников, Шишкинские писаницы, стр. 33.

¹³ С. А. Сардарян, Первобытное общество в Армении, Ереван, 1957 (на арм. яз.), стр. 113—120, 273—275.

¹⁴ Г. В. Парфенов, Картинная галерея первобытного искусства, сб. «Следопыт Средней Азии», Ташкент, 1963, стр. 201; его же, Сураты-сай, «Пионер Востока», 15 января 1963, Ташкент, № 5.

¹⁵ А. П. Окладников, Петроглифы Ангары, М.— Л., 1966, стр. 142.

¹⁶ И. М. Джафарзаде, Наскальные изображения Кобыстана, «Труды Ин-та истории АН АзербССР», т. XIII, Баку, 1958, стр. 68.

¹⁷ И. Мухитдинов, Стенные росписи в селении Ягид (Дарваз) и связанные с ними поверья и представления, «Сов. этнография», 1964, № 2, стр. 111.

¹⁸ М. А. Дэвлет, Большая Боярская писаница, «Сов. археология», 1965 № 3, стр. 130, 131.

Но А. П. Окладников писал не об архаических традициях в эпоху металла, а именно о неолите как хронологическом этапе¹⁹.

Второй отклик на мою статью принадлежит Ю. А. Савватееву — исследователю Беломорских петроглифов²⁰. По основному вопросу дискуссии он придерживается мнения, близкого к моему, решительно расходясь с А. П. Окладниковым и Г. И. Пелих; Ю. А. Савватеева не удовлетворяет всемирно-исторический масштаб и он недвусмысленно высказывается за анализ конкретных источников. К сожалению, Ю. А. Савватеев не видел сибирских писаниц и поэтому говорит не столько о них (поддержав все же некоторые мои выводы), сколько о лучше знакомых ему карельских рисунках.

В связи с этим Ю. А. Савватеев делает объектом своего разбора мою статью в «Советской этнографии» и публикации А. П. Окладникова, а мою научно-популярную книжку «Памятники первобытного искусства на территории СССР». Думается, что это не вполне допустимый прием. Автор научно-популярной книги адресуется к специфической аудитории и невольно излагает многие проблемы без необходимых оговорок, с чрезмерной категоричностью, отодвигает на второй план сюжеты, весьма волнующие специалистов, но неинтересные широкой публике и т. д.

Один и тот же человек может написать в научной монографии: «трипольская культура мало похожа на культуру Анау», а в популярной книге: «у трипольской культуры много общего с Анау», и тем не менее нельзя упрекать его за противоречия. Разные цели, разная аудитория.

Поэтому мне кажется нецелесообразным обсуждать здесь вопрос о том, имел ли я право вспоминать в своей книжке о «Мадонне Литта» или «Троице» Рублева (хотя не вижу ни малейшего оттенка субъективизма в простом положении: колористическая бедность ограничивает возможности и выразительность первобытной живописи)²¹. Остановлюсь на вопросах, непосредственно связанных с предметом дискуссии.

Высказываясь за анализ конкретных источников, Ю. А. Савватеев считает не нужными сопоставления петроглифов разных районов. Ему кажутся неубедительными сравнения карельских наскальных рисунков со шведскими или уральскими, предположения о влиянии каких-то более развитых культур на создателей беломорских и онежских композиций. В этом вопросе, как правильно отмечает Ю. А. Савватеев, я гораздо ближе к А. П. Окладникову, чем к нему. Попробуем разобраться, в чем тут дело и не противоречу ли я сам себе.

Я спорю с А. П. Окладниковым, когда он строит классификацию сибирских писаниц, опираясь на материалы Франции, Испании, Швеции, т. е. стран, исторически не связанных с бассейном Лены и Ангары. Здесь же вопрос стоит иначе. В III—II тыс. до н. э. существовали реальные культурные связи Карелии и Швеции, Карелии и Урала. Они чувствуются при изучении керамики и орудий со стоянок, и не было бы ничего удивительного, если бы они нашли отражение и в искусстве петроглифов. Связи древнего населения нашего Севера распространялись в эту эпоху далеко за Урал. Ко II тыс. до н. э. относятся хорошо известные находки прибайкальского нефрита в Сейме близ Горького и вещей из уральского кедра в Финляндии²². Почему же вместе с вещами не мог-

¹⁹ Показательно хотя бы то, что в монографии А. П. Окладникова «Неолит и бронзовый век Прибайкалья», «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее МИА), № 18, 1950; № 43, 1955 речь о писаницах идет только в разделе о серовском этапе неолита (МИА, № 18, стр. 281—283).

²⁰ Ю. А. Савватеев, Петроглифы Карелии и наскальное искусство лесной полосы Евразии, «Сов. этнография», 1969, № 1, стр. 87—104.

²¹ Ср. А. А. Формозов, Памятники первобытного искусства на территории СССР, М., 1966, стр. 33; Ю. А. Савватеев, Указ. раб., стр. 101.

²² Г. А. Панкрусев, Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла, М.—Л., 1964, стр. 125, 128; А. П. Окладников, Неолит и бронзовый век Прибайкалья, МИА, № 43, 1955, стр. 188.

ли распространяться и некоторые художественные образы, мифы, стилистические особенности искусства?

Отличие наскальных рисунков Бесовых следков от петроглифов Залавруги и особенно онежских бесспорно. На первых почти нет изображений людей, нет солнечных символов, на последних есть в изобилии и то и другое. Я объяснял эти изменения влиянием высокоразвитых скандинавских культур. Ю. А. Савватеев с этим не соглашается и подчеркивает, что все петроглифы Карелии созданы охотниками и рыбаками, стоявшими на одной ступени развития²³. Ю. А. Савватеев датирует Бесовы следки III тыс. до н. э., а Залавругу и онежские петроглифы — II тыс. А ведь как раз во II тыс. до н. э. усилились связи Карелии с соседними районами, в том числе со Скандинавией, и откуда-то извне в Прионежье проникла бронза²⁴. Значит, тот же анализ конкретных источников свидетельствует о существенных переменах в жизни карельских племен, переменах, которые могли сказаться и на искусстве.

Вот почему, считая неправомерным привлекать для классификации сибирского материала памятники палеолита Франции, мезолита Испании или трипольской культуры, я думаю, что А. П. Окладников имел право сопоставлять отдельные сибирские рисунки с уральскими и карельскими. Поэтому заслуживают внимания сюжеты, повторяющиеся в Карелии и Сибири, — лыжник, преследующий лося, лодка со многими пловцами (о чем писал А. П. Окладников, а за ним и я и что вызвало сомнения Г. И. Пелих и Ю. А. Савватеева)²⁵. Может быть, это и конвергентное сходство, но надо помнить об ограниченном наборе сюжетов, представленных на петроглифах (отсутствует столь обычная вещь, как дома)²⁶, и на этом фоне совпадения уже не покажутся нам случайными.

Не буду спорить с Ю. А. Савватеевым по ряду частных вопросов. В большинстве случаев его замечания строятся так: А. А. Формозов пишет, что для первобытного искусства характерно то-то, а вот в Карелии мы видим то-то. Но это нарушение того же принципа анализа конкретных источников. Не все, что есть в Карелии, характерно для других памятников первобытного искусства. Петроглифы Онежского озера, например, явно выпадают из всей совокупности наскальных изображений каменного века Евразии.

Завершая свой ответ Г. И. Пелих и Ю. А. Савватееву, хочу выразить надежду, что наш обмен мнениями окажется полезным для создания подлинно научной методики работы со сложнейшими историческими источниками — росписями и гравировками на скалах.

SUMMARY

The article is a contribution to the discussion in «Sovietskaya Etnografia» (1967, N 3; 1968, N 5; 1969, N 1) on the dating and principles of research on Siberian rock images. Contrary to G. I. Pielikh the author is against extending regularities in the evolution of primitive art established in certain regions to other distant regions. The researchers must proceed from the study of actual archaeological objects, their stratigraphic situation, etc. This does not mean that rock images may not in some cases show the influence of other archaeological cultures. Contrary to Yu. A. Savvatayev the author sees traces of such outside influences in the Karelian petroglyphs.

²³ Ю. А. Савватеев, Указ. раб., стр. 97.

²⁴ М. Е. Фосс, Древнейшая история Севера Европейской части СССР, МИА, № 29, 1952, стр. 198—203; Н. Н. Гурина, Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера, МИА, № 20, 1951, стр. 101, 126, 127.

²⁵ Сопоставление фигурки лыжника на рукоятки ножа из могильника турбинского типа Ростовка с изображениями лыжников на скалах Сибири далеко не натяжка, как полагает Г. И. Пелих (Указ. раб., стр. 69). Инвентарь турбинских могильников так похож на находки в Прибайкалье, что ставился даже вопрос о движении населения из Прибайкалья на Урал. См.: В. А. Сафронов, К вопросу о турбинском могильнике, «Археологический сборник», Л., 1964, стр. 44—63.

²⁶ А. А. Формозов, Памятники первобытного искусства на территории СССР, стр. 69.